

[Введите текст]

Из дневников 1988 года

31 январь 1988 года. (Воскресение). Люда читает деткам книгу. Арслан принес 27 руб. 90 копеек за мой натюрморт «Два Кувшина», который купил Изентаев на первом Аукционе молодых художников, который вчера и сегодня проводил Арслан. Вот это новость – Изентаев купил работу Жолдасова!? Купили несколько керамических изделий у Назиры Кузиевой, жены Рашида Латыпова, по 15 - 20 рублей, дешево. За 100 рублей продан «Пейзаж с лодкой» Тогузбаева.

У Алимчика болело ушко. Азиме температурила, головокружение и сильное сердцебиение - 130 ударов в минуту. Люда дала аспирин, эритромицин и стрептоцид. Алимчику дает ампициллин. 4 рубля почти стоит баночка таблеток. Дорого. Капризничает ребенок. Плачет часто и опять стал заикаться. Надо бы сводить его к врачу на этой неделе.

8 марта 1988года. (Вторник). Аукцион провалился из-за халатности Тажимуратова, не было объявлений. Надо забрать 19 работ и отвезти в свою мастерскую. Надо сделать список оформленных работ.

12 марта 1988 года. (Суббота). Привезли с Арсланом в мастерскую из выставочного зала 19 работ. Кстати, там осталась большая картина «Джампык», не купленная музеем. Зашел в училище, передал через Ольгу и Миру в библиотеку книгу о нукусском музее и журналы. Забрал фотографии из фотоателье, зашел к Квону, занес ему журнал «Огонек» со статьей «Исповедь художника» об Абдусалымова Шевкете, там упоминается Гольдрей Азик Аронович. Тетя Мария дала полбанки медовухи. Дома читал «Неоконченные работы Пушкина» Фейнберга.

Собираю документы для Союза художников, надежд мало, но попытка не пытка. Надо зайти в музей и собрать список работ, каталоги, затем рекомендации. Странно, я раньше совсем не думал о Союзе, просидел в музее столько лет по глупости. И подсказать ведь было некому.

13 марта 1988 года (Воскресение). Вечер. Идет фильм о коммунизме Лепешинского. Тихонов играет такого доброго и интеллигентного большевика.

У отца зубы совсем расшатываются и выпадают. Грустное впечатление заброшенности производит их квартира с почерневшими стенами, потеками с потолка, Нищета. Мама приготовила бешбармак, поели. Читаю книгу С. Бонди «О Пушкине». Вечерние сумерки и покой.

14 марта 1988 года (Понедельник). Вечер. Алим сильно капризничал. Дрался, ссорился с Людой, с Азиме. Я был очень снисходителен. Тем и уладилось. Читал Щеголева «Дуэль и Смерть Пушкина» 1 том. Совершенно потрясающая история. Целый мир открывается. Прав был Арслан: Пушкина одного можно читать всю жизнь. Добавлю, и его не исчерпаешь. Сожалею, что не удалось приобрести второй том – не хватило денег.

15 марта 1988 года (Вторник). После занятий повел своих студентов и Ольгину группу в музей на выставку Литовского гобелена и живописи. Пришлось самому вести там экскурсию. Видел там Мадгазина, Валю и Ларису из музея.

Надо идти к Ольге с поздравлениями. Купить цветы и попытаться достать спиртное. Это сейчас проблема.

18 марта 1988 года. (Вторник). Целый день в невероятной беготне. Собираю документы для поступления в Союз художников. Утром, после занятий, отвел студентов в музей. Таумуратова записал в библиотеку музея. Он взял кучу книг по искусству. Работал в музее, собрал сведения об участиях на выставках.

[Введите текст]

Отремонтировал самокат Алима у сварщика Аскара на новостройке училища. Договорился с Ющиковым о съемках моих работ на понедельник. Отобрал работы для фотографирования. Алим очень возбужден, теперь он с двумя самокатами.

19 марта 1988 года (Суббота). Отвез список выставок Арслану и бумагу. Искал Эдика Муратова на работе и на квартире. Видимо его выжили. Эдик гибнет, боже упаси от такой судьбы. Без семьи, без крыши над головой и такой чудесный человек, умница.

Поговорил с Ольгой о том, что предоставляет собой Союз художников и о вероятности кого возьмут. Она рассуждает трезво и реально и говорит, что возьмут двух - трех человек. А Латыпов, Жолымбетов, Кузиева подают документы в молодежную секцию. Союз стал слепком общей бюрократической системы. И доступ в него крайне затруднен барьером – наличием Всесоюзной выставки у претендентов. Но вступление в Союз это признание коллегами профессиональности, материальные выгоды и привилегии. Я опоздал вступить в Союз. Когда прием еще был свободен. Перед самым моим носом захлопнулась «дверь в рай».

21 марта 1988 года (Понедельник). Взял рекомендации для Ольги у Джаксыбаева (что-то он медлил с ответом, вроде неохотно дал). Алибеков в театре сразу согласился и сразу дал К. Нажимов. Долго упрашивал Абдуллу Еримбетова, а Куттымуратов сразу согласился дать (у него уже спрашивали Утегенов и Абдурахманова). Ющиков сказал, что придет завтра к обеду. Очень помог Арслан с оформлением и сбором бумаг, возил на машине. Дети играли хорошо, потом тихо занялись, Алим игрой в мультик, Люда шила на машине. Этот стрекот навевает покой.

24 марта 1988 года (Четверг). Во вторник закупка. Валя спросила насчет цен. Я согласился. Говорит, что ей очень трудно и просит помочь. Бабаназарова сказала, чтобы мы приводили студентов в музей.

26 марта 1988 года (Суббота). Вечером Алим упал со стола и сломал левое предплечье, обе кости с угловым смещением. Наложили гипс. Утром возил с Арсланом Алима в новую детскую травматологическую поликлинику.

27 марта 1988 года (Воскресение). Надо идти в филиал к Муратову, печатать фотографии. Настроения никакого. Устал от этой гонки вступления в Союз художников. И, кажется, это все бесполезная затея. Отнес матери Квона 45 рублей - 25 рублей на собачий жир Вите, и 20 рублей на мумие для Алима.

Тревожит меня 3 курс группа «А» Они совсем забросили композицию. Не хотят ею заниматься. Кроме того, нахальные, и, видимо, меня как педагога ни во что не ставят. Но обижаться на них, конфликтовать с ними не стоит, так как они были основательно испорчены до меня. Ночью у Алима болела рука.

31 марта 1988 года (Четверг). Разразилась катастрофа, неожиданно выяснилось, что тем претендентам в Союз художников, у которых нет справки о Всесоюзной выставке, нечего и подавать документы. Конечно, я был уязвлен и унижен. Арслан повез Ольгины работы в Союз и оттуда позвонил, выяснил, что это не так. Я еле притащился домой, заходил в училище и к Алексею. Он убеждал меня, говоря, что не надо падать духом, а работать. Перед этим я не спал сутки, всю ночь печатал фото с наших с Ольгой работ для документов.

Мы с Ольгой решили пробиваться на Всесоюзные выставки через Ташкентские республиканские выставки. Здесь прошли комиссию Кузиева, Бержанов, Жолымбетов и еще кто-то из Хорезма. Посмотрим, кого возьмут. Поговаривают, что подают документы около 200 претендентов на 40 лимитных мест на «дворянство» в С.Х.

[Введите текст]

5 апреля 1988 года (Вторник). Была закупка в выставочном зале. Собралось много художников, были интересные работы. У Ольги купили 4 иллюстрации к Каракалпакским сказкам по 120 рублей. У меня два больших Джампыкских пейзажа по 400 рублей. Подписал заемный лист на 200 рублей раньше и на 300 рублей теперь. Вечером заходил от Ольги и зашел к Альвине. Она несколько раз звонила домой Люде, беспокоится, что художники могут поднять скандал из-за того, что, вроде, музей вымогает деньги на памятник Савицкому. Говорила, что не хватает 100 рублей. Я предложил взять еще пару моих работ на оплату памятника. Попросил обменять 2 моих пейзажа в обмен на картину Худайбергенова и пейзаж Сапарова-примитивиста и/или пейзаж Лепесова.

5 июля 1988 года (Вторник). Лег вчера в 2 часа ночи, встал сегодня в 10 утра. Солнце все разбелило уже. Меня беспокоит, что мне совсем не хочется работать творчески. Уже почти 3 года не работаю по-настоящему. Сегодня получил 476 рублей - отпускных 309, зарплата $140-36-3=101+66$ рублей больничный. Завтра после обеда обещали дать отпускные в училище. Однако много было скандала в училище. После ухода моего ругались Айтимбетов с другими художниками. Лезут в училище. Другой работы нет.

6 июля 1988 года (Среда). Проснулся от кошмаров. Поехал за молоком. Стоял полчаса в очереди. Кефир не достался, кончился. Взял 6 бутылок молока. В парке, на круговой аллее, вокруг памятника Кирову пузатые маслокрады делают зарядку.

7 июля 1988 года (Четверг). 5 часов вечера. Дозвонился до бухгалтера. Говорят – «Нет денег в банке». Читаю «Письма по кругу» Гермона Гессе. Вообще-то пора писать самому воспоминания. Звонил Арслан. Предложил взять деньги и поехать в Ташкент. Поеду завтра. Приехала мама, говорит, там дело плохо. Вечером позвонил Арслан, что моя теща умерла. Отмучилась. Похороны завтра в 2 часа. Справочное бюро Аэропорта, как обычно не отвечает. Хоть разбейся в лепешку. Из телефона звучит только радио «Последние известия».

10 июля 1988 года. Ночью 8-го июля уехал. Утром был в Ташкенте. Участвовал в похоронах, отпевании на Боткинском кладбище, Вечером того же дня поминали. До 4-х утра сидели с Сашей. На следующий день возил детей на озеро, на Чиланзар.

Грустно было расставаться с Людой и детьми. Но дело, прежде всего. Я должен работать для них. Как чувствуется в Нукусе удушающее дыхание пустыни и какая соленая вода. Слава Богу, съездил в Ташкент. Это было очень горестное, но человеческое мероприятие. Надо перебираться в Ташкент. Здесь, мы и сами сдохнем, и погубим детей.

13 июля 1988 года (Среда). Что-то мама совсем разболелась. Наконец-то дочистил орешки урючные. Теперь два раза прокипячу варенье. Потом схожу к маме, потом загляну к Квону. Вечером дома начну работать. Просмотрел газеты. Вечер 8 часов. Варю варенье из урюка. 4 таза в коридоре. Поднимался наверх, поел салат с майонезом, слушаю «Алан Парсонс Прожект», зашиваю свои старые брюки. Немного еще можно походить в них. Их мне, чуть ли не 10 лет назад, сшила соседка на Бешагаче. Вечереет, надо сходить куда-нибудь. Вечером смотрел ТВ у Мамаы. Беседовал с отцом о делах в Средней Азии. Все мы стали «политиками».

14 июля 1988 года (Четверг). Звонил наверх. Шприцы готовы. Умоюсь и пойду, сделаю маме уколы. Пенициллин и алоэ. Умылся, поставил варить варенье по третьему разу. Вечером, думаю, можно будет закручивать в 3-х литровые банки. Утро, из окна ветерок, и то неплохо. Завтракал и обедал у мамы. После обеда с Мирой закрутили восемь 3-х литровых банок урюка. Не полную 2-х литровую банку не стали закрывать и Мира ее взяла наверх. Рассеянная, забыла на кухне свои часы. Мама, вроде готовит плов. Пойду наверх смотреть ТВ. Разобрал стиральную машинку, капало прямо из винта, я его

[Введите текст]

открутил, ни туда, ни сюда и обратно не закручивается. Теперь надо найти еще одну верхнюю часть. Или сдать мастеру на ремонт.

15 июля 1988 года (Пятница). Слушал передачи о неформалах. Они всячески чураются официальных органов, а органы (комсомольские и партийные) к ним льнут, чтобы взять их под свой контроль.

16 июля 1988 года (Суббота). Ольга сказала, что 25-го будет известна дата третьего тура отбора работ молодых художников на региональную выставку «Средняя Азия и Казахстан». Еще неприятное известие, Гала А. в Ташкентском С.Х. сказала – «Какое вы имели право брать их документы, они у них все поддельные». Свидетельство ее низости и стремления опорочить нас для того, чтобы самой прорваться в Союз - и к деньгам.

Утром ездил за молоком в Ташкентский гастроном. Зауре-опа отнеслась ко мне хорошо. Но, Боже мой, какие замызганные личности, вроде меня, в очереди молочной собираются.

Тревожит меня чувство, что против того, чтобы мы вступили в С/Х ведется тайная грязная война. Арслан поговорил с Ольгой и думает съездить в Москву, поговорить с нашим референтом по Средней Азии, чтобы не принимали на веру чью-либо клевету. Возможно, нас будут пытаться опорочить и там. Недаром Ван Гог писал в письмах о том, что гнусная атмосфера складывается в среде художников. И желал быть в стороне от них. Вообще-то надо быть в стороне. Но вступить в Союз художников – вопрос престижа.

17 июля 1988 года (Воскресение). Проснулся. Слабость. Поднялся к маме. Она стонет от боли в ноге, видно задел нерв. Сделал укол, пришлось возвращаться за натриевым пенициллином. Потом начал убираться в гараже, потом съездил к Ольге. Потом опять убирался в гараже, потом опять поехал к Ольге, поел суп из баранины, салат. Рома что-то обижен. Потом пошел к Квону. Там пил чай, курил и говорил о новостях. Рассказал ему последние истории – самоубийство молодой жены поэта Ю., родившей голубоглазого ребенка от обкомовского работника М., присланного из России «наводить порядок». О снятии его с должности, об исключении из партии, одновременно с бывшем Министром просвещения, который вынужден был вернуть государству 100 тыс. рублей, данные ему на хранение бывшим первым секретарем обкома К. Они были замурованы в стене его дома, но 30 тысяч он растратил. Разложение элиты.

19 июля 1988 года (Вторник). Сходил в магазин «юбилейный». Там привезли сахарный песок, и сразу образовалась очередь за ним. Выстоял минут двадцать и взял 3 кг. Пришел домой и, подходя, увидел девушек, и среди них одна лукавая плутовка, полукореянка стояла в одной короткой рубашке, прикрывающей только трусы.

Подсчитал деньги, осталось 87 рублей. Только не залазить опять в долги.

Слушаю и все больше восторгаюсь органной музыкой И. С. Баха, «Золотого Баха». Он укрепляет душу и утешает. Какая великая душа. Поразительно, что он был забыт на столетия. Я открыл для себя Клода Моне. Какой глаз! Какая тонкость колеров. Какая воздушность, поэзия и душа мужественная!

21 июля 1988 года (Среда). Потрясающее известие о семье Овечкиных, пытавшихся угнать самолет, и погибших. Застрелили мать свою, по ее просьбе, когда стала ясна неудача попытки вырваться из страны.

Вечерами, особенно, когда стемнеет, не хочется быть дома в одиночестве, хочется выйти куда-то к людям, к единственному своему другу Квону, в его бедную, грязную, холостяцкую комнату, полную мух, тараканов и пыли. Беседовать с ним, вспоминать прошлое, Савицкого. И потом, немного душевно успокоенным, возвращаться к себе домой и приниматься за чтение.

[Введите текст]

С восторгом начал читать стихи Арсения Тарковского, который, кстати, жил когда-то в двухэтажной гостинице в Нукусе по улице Энгельса, и занимался переводом Каракалпакского народного эпоса «Кырк-кыз». Может быть тогда он написал: «Для чего я лучшие годы, продал за чужие слова? Ах, восточные переводы, как болит от вас голова». (Кстати, В. Котанов, оформитель книги «Кырк-кыз» прислал мне письмо и фотографии из Москвы).

Разглядел я, что на обложке дневника было раньше написано 1986 и переправлена на 1988 год. Значит, я начинал еще 2 года назад.

25 июля 1988 года (Понедельник). Уничтожение русского дворянства, образованного и культурного, было величайшим преступлением перед народом и миром. Плоды этого страна пожинает теперь. Партия запятнала себя преступлениями. И та же партия, вернее ее люди, пришли к власти в другой стране со странным народом, которому трудно найти определение.

16 июня 1987 год Было в музее собрание, уволили Аклию, вместо нее назначили Октябрия. Галу Галиулина чем-то запятнали. А. арестован за кражу картин в музее.

25 июня 1988 г. (понедельник). Когда поеду в Ташкент, возьму с собой материалы и буду заниматься графикой, тушь, перья, бумагу, кисти, акварель, карандаши. Долго разбирал художественные материалы, слушал музыку, которая мне напоминала детство в старом доме и Бешагач, в студенческие годы, и чуть не плакал.

Рашид говорит, что нам, молодым художникам, надо объединяться, чтобы отражать в искусстве Каракалпакию. Правильно, конечно. Он оборудовал керамическую и графическую мастерскую, с офортным станком и керамической печью. Колоссальный делец в искусстве.

Еще очень важная новость, мы можем участвовать во всесоюзных выставках, минуя Ташкент и беря отношения от своего, Каракалпакского Союза Художников. Сегодня прекрасная статья о Великом Михоэлсе в «Советской культуре».

О Глазунове напечатано большое интервью с ним интервью в «Советской культуре». Он берет большие темы, национален и режиссирует свои картины – это хорошо. Но плохо – нападки на Союз Художников, Академию за то, что не дают государственную премию и звание Академика. Признается, что не любит музыку Шостаковича. Интересно.

26 июля 1988 г. (вторник). Ночь, 2 часа. Закончил затачивать бамбуковые, камышовые и деревянные палочки для рисования тушью. Смотрел книгу Лаптева «Рисунок пером», за которым ездил в мастерскую и к Ольге. Кстати, она высказала ряд интересных сопоставлений Мане Э. с Серовым. Это очень меткое и тонкое наблюдение, я никогда об этом не думал. Ночь. Читал Плутарха о Ромуле, Ликурге, законодателях Рима и Спарты.

Заехал к Квону, поговорили, посмотрел книгу о Нукусском музее, сравнили его «Расстрел» с классикой. Картина хорошо смотрится и выдерживает сравнения, самые пристрастные. Зашел его брат Арон, сказал, что после «Времени» по Ташкентскому телевидению будет передача «Человек и Закон» о «каракалпакских взяточниках», в частности, о родственниках бывшего первого секретаря Каракалпакского обкома, К. Он же сказал, что народ поговаривает, что жена поэта Ю., родившая белого ребенка, вскрыла себе вены или повесилась. Но ходят слухи, что ее убили родственники Ю., чуть ли не он сам.

Накупил овощей и заполнил холодильник. Теперь надо писать натюрморты. Квон относится ко мне как к братишке. Разница между нами более 20 лет. Он с 1934 года.

27 июля 1988 г. (среда). Читаю Пикуля. Он годы жил и работал ночной жизнью. Как я когда то в Ташкенте, на Бешагаче, в студенческие годы. Летом, месяц работал по ночам и

[Введите текст]

очень плодотворно, а днем спал. Интересная он и своеобразная личность Пикуль, нашел свой путь и свою тему в творчестве.

Молоко пришлось долго ждать, водитель проспал, как он сказал, потом Зауре–апе, продавщице помог разгрузить и купил в первую очередь. Духота. Унылый городишко с его обитателями. Тоска.

Смотрел на краешек здания музея, видневшегося со двора «Ташкентского» гастронома и думал о том, как много лет отдано ему, вспоминал Игоря Витальевича, как мы ранними утрами уезжали на раскопки. Здание музея 1954 года постройки, о чем говорили цифры из гипса на фронтоне. Витые балкончики, сталинский ампи́р. И тоска меня взяла еще больше. Однако я нагнетаю. Все не так плохо и будет хорошо. Пасмурно, возможно будет дождь.

Стало светать, надо начать писать маслом. Хотя бы начать, а там как дело пойдет. Вот и Ольга об этом говорит - писать, пока мне никто здесь не мешает, имеется в виду семья. Наоборот, мне без семьи труднее.

28 июля 1988 г. (четверг). Взял билет на 21 августа. Арслан отругал, что без него роюсь в его книгах и взял несколько книг. Алексей ругал, что я бездельник. Ел у него арбуз, сфотографировал его маму.

29 июля 1988 г. (пятница). Прочел статью в «Неделя», об усыхающей шагреновой коже Арала и понял, что сделал глупость, что не обменял квартиру с Ташкентом, когда предлагала теща. Это трагедия для нас, что она так скоро и неожиданно умерла.

Видел в музее Ларису, она закончила институт, писала диплом о Волкове. Я давал ей тома «Всеобщей истории искусств». Теперь забрал, и поставил их на старые места, на полке, в шкафу.

Сижу на диване в дальней комнате и на стуле пишу дневник. Кстати, из-за «12 Цезарей» Светония можно потерять веру в человека. Или же наоборот, опустившись в бездну безверия, выйти с более ожесточенной, но и более закаленной душой.

Часто думаю о том, что надо воспитывать Алимчика и Азиме. Чтобы закалилась воля, образовались твердые принципы, трудолюбие, а также смелость, мужество к испытаниям. Приготовить к жизни как к суровой борьбе, трудностям, научить противодействовать насилию, с которыми они могут столкнуться, научить радости жизни, которая от них нерушимой цепочкой тянется во тьму времен и от них должна протянуться к будущему.

И еще вот о чем я подумал, что в искусстве главное личность, глубокие познания, духовные искания. Это редкость, а ремесло само по себе может быть у миллионов людей. Я имею в виду ремесло в искусстве. Большие же мастера редкость. И возникают они там, где глубокая, интересная личность и соответствующее ремесло.

На мою Душу все больше нисходит покой и ощущение уверенности в своих силах.

30 июля 1988 г. (суббота). Включил телевизор, показывали передачу о поисках внеземного разума. Подумал об отце-Алимжане, о великом счастье родиться на земле человеком, о великой случайности. О том, что в детстве, думаешь, что это неизбежность, а с возрастом понимаешь, что тебе просто выпал счастливый билет в лотерею жизни. И о том, что бесконечные поколения ведут от тебя вглубь времен.

Начал рисовать на небольшом листе автопортрет карандашом. Есть еще порох в пороховницах! Можно еще работать, но до чего труден путь переделки своего мировоззрения.

Люда приедет, надо браться за обнаженную женскую натуру. Натурщице нечем платить.

[Введите текст]

Вечер, 23:00. Читал газеты. Смотрел фильм о Глазунове, художнике, теперешнем кумире. Вернее сказать, интервью с ним эстонского телевидения. Он произвел на меня двойное впечатление. Мне стало жаль его, он жаловался на одиночество, вечернюю тоску.

К достоинствам его я бы отнес смелость, пробивную силу, умение ставить перед собой большие задачи и стремление к эпохальному охвату идей и событий. Его искусство, претендующее на восстановление традиций, импонирует нарождающемуся самосознанию русских, осознающими себя наследниками прошлого.

Я заметил в нем какое то детское простодушие, большое честолюбие и высокопарность. В из музея, рассказывала, вернувшись с выставки музея из Москвы, года полтора назад, что накануне открытия выставки Глазунова в манеже его жена выбросилась из окна квартиры с 8-го этажа, оставив записку о том, что она накажет его этим. Она предварительно надела меховую шапку, чтобы не попортить лицо и выглядеть после смерти хорошо. У него сын 18 лет и дочь 15 лет. Жаль детей. Дочь мельком показали, стояла, прислонившись к шкафу или к чему-то другому, зябко обняв плечи, в какой-то шали. Прекрасный образ.

Звонил отец и спрашивал, смотрю ли я фильм о Глазунове. Когда фильм закончился, переключил телевизор и по нукусскому каналу застал конец передачи о самодеятельном скульпторе - Дарибае Турениязове, которому на днях присвоили звание «Народного художника ККАССР» к его 60 – летию. К слову сказать, Еримбетову, живописцу, кажется, ничего не дали.

Духота и жара на чуть ли не самом проклятом месте на всей земле! Несомненно, отсюда надо выбираться и чем раньше, тем лучше для детей. Но здесь мама. Это меня удерживает. Кроме того, надо дождаться результатов рассмотрения в Москве дел по приему в Союз Художников. Если я вступлю, то мне надо будет переезжать в Ташкент, а сюда наезжать в творческие командировки. Надо еще раз оформить работы, слайды и фотографии, для того, чтобы Арслан поменял их там в документах.

31 июля 1988 г. (воскресенье). Полночь. Помыл посуду. В соседних домах уже потушен свет. Душно, испарина на теле. Ни дуновения ветерка, воздух стоит недвижим и дым сигареты вьется около лампы. Это ад.

Автопортретом не удовлетворен. Посмотрел обратно через зеркало, кривой. 3 года перерыва не проходят даром.

Слава Богу, начал натюрморт с овощами и белым чайником.

Когда писал, раздался звонок в дверь. Стоял мальчик растерянный и сказал, что его внизу бьют, в дрожащем голосе была просьба, мольба. Я оделся и сразу сбежал вниз. Там сын зека из развалившегося коттеджа напротив с каким-то другим мерзавцем издевался над этим мальчиком. Вышли все соседи и мать этого парня как разъяренная фурия толкала, гнала того. Я сказал, чтобы они уходили и не приходили больше в наш дом. Потом поднялся, продолжил работу. Алимчика надо воспитывать в твердости, умении постоять за себя, чтобы он не прибежал так в слезах жаловаться. А сам мог крепко стоять за себя.

Ездил к Арслану, на велосипеде. Взял книгу Платонова, Мандельштама, Рембо, и Бека «Новое назначение». В парке много молодых. Они собираются на танцы как на какой-то ритуал. В сущности это и есть древнейший ритуал знакомства для целей продолжения рода. У Арслана были Рашид и Назира с детьми, ели дыню, арбуз. Они принесли Ольге керамическую тарелку чудесно расписанную. Потом они ушли, мы с Арсланом беседовали о свободе выбора. Арслан говорит, что свобода это абстрактное понятие, которое проявляется в мере права на конкретный выбор в конкретной ситуации. Надо мне делать выбор.

[Введите текст]

2 августа 1988 г. (вторник). Проезжал мимо нашего прежнего дома на Маяковского 2. Дом достроен, укрыт шифером. Мы не сумели сохранить этот дом. Деньги от его продажи пошли на наше образование в интернате. Жаль.

Ночью читал «Чевенгур» Андрея Платонова, грандиозное и абсурдно-трагическое. Я от него в восторге. Книга испещрена заметками Арслана, отмечены места и сюжеты для возможных иллюстраций.

Заехал к Арслану, сфотографировал детей. Поговорил с ним о переезде в Ташкент. Он говорит, что переедет, но года через два. К нему приезжал сотрудник из Ташкентского института истории, приглашали на работу в Ташкент. Он пока отказался, мне же главное вступить в Союз Художников. Он сравнил нас с одинокими бегунами. Не дышит в Нукусе никто в затылок, но и некому нам, нет никого впереди. Очень меткая метафора. Приехал домой. Собираюсь писать. Уже 3 день продвигаю натюрморт с овощами. Теперь важен сам процесс и результат, а не количество, как раньше.

Вечером поставил хороший натюрморт с тыквой, проще чем предыдущий. И установил зеркало в шкафу для автопортрета. Вечером начать писать, чувствую себя усталым, даже заносит.

Вечер, 21:00. Уже стемнело, не видно натюрморта. Завтра продолжу. Но сегодня я довольно продвинулся вперед. Завтра надо писать белую луковицу, стол и белую чашку.

Туманные высокие облака. Дома пахнет краской. Вот я и начал писать. Оказывается ничего не утрачено. Я вижу, что могу писать и рисовать. Теперь надо жать и жать еще.

22:00. Заходила Мира, похвалила, что пишу натюрморт. Я в сумерках стал исправлять натюрморт, прошелся белилами. Потом в сумерках на кухне читал «Рембо», чудесный и страшный поэт. Загадочный.

01:00. Начал подмалевок автопортрета на фоне ковра, при электрическом свете.

4 августа 1988 г. (четверг). Теперь надлежит закончить натюрморт с тыквой и приниматься за натюрморт с картошкой и луком. Потом, видимо, автопортрет. Затем планирую натюрморт с рыбой. Надо посмотреть в магазинах, если нет, то ехать в Ходжейли.

Вечер, 17:00. Начал натюрморт с картошкой, крупно.

23:00. Устал. Целая эпопея. Холст сильно тянет, проверил - большая часть холстов в дырах и плохо загрунтована. Замочил клей 10% столярный, 250 гр. на 2,25 литра воды. Принес банку охры, и полчаса ее размешивал. У Арслана в большом гараже нашел немного титановых белил в банке. Теперь покрыть клеем по 2 раза тянущиеся холсты. Думаю, поры закроются, и можно будет писать. Это мне урок на будущее. Холсты надо готовить по всем кипликовским правилам. Не экономить на материале

00:00 ночи. Сделал подмалевок второго натюрморта с картошкой. Завтра думаю начать третий, и писать его пока не подсохнет обратная сторона сегодняшнего, который сильно тянет краску. Хочу попробовать написать один натюрморт в 3-х вариантах. В разной компоновке и в разной технике, чтобы выбрать оптимальную манеру и лепить плотно форму. Натюрморты – это мои студии, где я решаю пластические и цветовые задачи.

Вечер, 21:00. Ездил к Ольге. Расспросил ее насчет афиши, плакатов, что с ними делать, как оплачивать и она все мне записала. Ее плакат с «Перекасти-поле» движется.

Оказывается ей должны за плакат «Промокашка» выдать премию 350 р., он закуплен Дирекцией выставок за 300 р. Неплохо. Я сказал, давай, давай работай теперь, Арслан рассмеялся. В смысле, как же, «даст» он ей работать ...

6 августа 1988 г. (суббота). Удивительно прекрасные, розовые и фиолетовые облака были на закате и погасли. Покой. Все же решил ехать в Ташкент. Но, однако, чур, там работать

[Введите текст]

так же упорно как здесь. Да, надо к сентябрьской закупке придумать, что дать. Может после выставки я что-нибудь привезу сюда на закупку. Или можно успеть закончить большой натюрморт, что стоит у меня в мастерской.

Вечером включил Ташкент, говорили об отсутствии 60% канализации в Нукусе. А та, что есть, не исправна и нет очистных сооружений. Меня давно занимала мысль, куда сбрасываются канализационные отходы. Возвращаясь в последний раз из Ташкента, видел огромные гниющие озера за аэропортом, на границе города и пустыни. Оказывается это и есть сбросы канализации. Чудовищно!

Уже полные сумерки, почти не различаю почерк. Зажглись огни в соседних домах. Теперь буду писать в дневник кратко, только самое важное и кратко.

8 августа 1988 г. (понедельник). Ездил к Ольге. Там была Нигар. Ольга расстроена, не хочет делать плакаты, а хочет офортные портреты для Фонда культуры. Арслан груб бывает, не сдержан, так же как и у меня, играют сильные чувства, которые подчас мы не контролируем. В общем, не уравновешенный характер, в крайностях.

С большим напряжением привел натюрморт к общему тону. Сегодня, пожалуй, не смогу начать новые натюрморты, дай Бог эти два закончить. Один в дневном свете, другой, поменьше, при электричестве. Хотя Савицкий не советовал работать при электричестве. Что-то я очень устаю. Живопись требует большого напряжения. И нервирует то, что большой холст сильно тянет, масло из красок и цвет жухнут.

От Ольги привез красную вазу и плетеную корзину для натюрмортов. Составляю коллекцию вещей для натюрмортов, как Матисс. Как тяжело дается живопись! Надо немного передохнуть и закончить натюрморт. Палитра чистая, пишу понемногу в день.

9 августа 1988 г. (вторник). То, что я сплю днем и не использую дневной свет, это глупо.

Ездил в книжные магазины, все закрыты на ревизии. Купил себе ручку, пишу ею сейчас. А то неудобно писать голыми стержнями. Отец, закутавшись, спит, пришел с работы, принес колбасу и говорит, что за куриными шеями в магазине драка в очереди.

После 4-х часов начал и в полных сумерках почти закончил натюрморт с дынями. Завтра еще достаточно работы, уточнять и поправлять еще. Надеюсь сделать еще один натюрморт с дынями, продвинуть автопортрет и начать подмалевок большого натюрморта в мастерской. Пишу уже в спешке, стараясь выполнить намеченное до отъезда и поэтому с большим напряжением. Красок не жалею и пишу пастозно.

10 августа 1988 г. (среда). Вечер, пора ехать в мастерскую начать работать над большим натюрмортом. Немного разобрал вещи по местам, подмел балкон. Звонил Арслан, напомнил о собрании в Союзе художников, пере выборы председателя молодежной секции. Я отказался, сославшись на работу, заканчивал натюрморт.

Хорошо, что, наконец, я начал работать маслом. Написал семь натюрмортов с фруктами, овощами и т. д. Сделал подмалевок автопортрета и начал рисунок большого натюрморта с фотографией Савицкого.

11 августа 1988г (четверг) Уехал в Ташкент, повез плакат «Перекасти поле» и афишу Ольги к выставке Изентаева. Побыл с Людой и детьми до 19 августа. 18-го была выставка молодежи Средней Азии и Казахстана, у меня взяли «Дворец» и «Натюрморт с оссуарием». Видел там Апухтина, Талдыкина, Мина, Маркуса, Анненкова, Селиванова. Четыре работы отклонили и я привез их обратно в Нукус.

Люда заявила Саше и Володе о правах на часть дома и собирает документы. Лучший выход продавать дом и брать 2 кооперативные квартиры. Саша уперся – хочет весь дом. Володя поддерживает Люду, но говорят, его жена Света настаивает. Люда остается там,

[Введите текст]

устраивается на работу в садик воспитательницей и Алима устраивает в сад. Азиме в школу, куда ходила Шолпан. Алим капризничал, когда я уезжал. Арслан, мама, Ольга – все Люду поддерживают морально. Вчера собрал все документы Люды с работы, Азиме справки со школы и медицинскую карту из поликлиники и все отдал Арслану, он через летчиков и Вассермана переправил Люде.

Ольга сшила мешок, положил туда детские вещи. Занял у нее 20 рублей. Заехал к Квону, там у них гости из Андижана, сестра. Был в музее. Валя говорит, что будет закупка с выставки по Аралу. Завтра отправлю Люде сахар, рис, гречку и одежду в шитых мешках по почте. Скучаю по детям.

Задумал 3 натюрморта, 3 пейзажа, 3 портрета и 3 интерьера, начать с этого. Мама говорит, что мое трудолюбие от крымских татар. Поощряет.

Был на свидании у врача в тюрьме у Вити. Он перебросил свою фотографию через забор тюремный. У него активный процесс туберкулеза и каверны в легких, в апреле 1989 года он должен выйти. Я уговаривал его жениться и завести детей. Когда-то пора остепениться. Он говорит, что неизвестно будет ли жив и т.д. Посмотрим. Во всяком случае, мама надеется, что вылечит его, как когда-то себя.

Листва пожухла и кое-где пожелтела, ночью был сильный ливень, деревья низкорослые, чахлая листва. Ходил по Ташкенту более уверенно, когда появилась надежда, что Люда будет иметь там свой угол. Ташкент это огромный город и мой город. Арслан говорит, что Люда дерется не за дом, а за детей.

Молодые увлекаются модернизмом, сюрреализмом, забывая, что здесь не запад и все это никому не нужно это самовыражение нарочитое. В «Советской Культуре» за 18 августа 1988 года напечатали письмо Арслана об Алимжане, деде, репрессированном в годы войны и о памятнике у Кремлевской стены, жертвам сталинских репрессий. Отец говорит, что это опрометчивое письмо и его могут использовать во вред Арслану. Во всяком случае, это смело. Позвонил только что Арслану, насчет этого письма, одобрил, похвалил и сказал, что я горжусь и т.д. Это память об отце, деде.

18 августа (вторник). Трудно свыкнуться с мыслью - совсем отказаться от покупки книг. Не до жиру - быть бы живу. Хоть изредка я буду покупать книги, когда буду получать зарплату в училище или изредка будут закупки картин. А не хватит денег, можно будет брать в библиотеках, у Арслана, отца. У Рембрандта была одна книга – Библия и он одну ее и читал, постоянно и размышлял над ней. Ему было достаточно.

19 августа (среда). Звонила два раза Бабаназарова, чтобы я вышел в музей на работу, не могут вроде больше 10 дней дать отпуск без содержания. Чего торопятся меня вызвать? Вчера меня видели в музее, подумали и решили вызвать, чтобы я учил Ш. и Р. реставрации. Они хотят выжать меня до капли, а потом выбросить. Я как подумал, что надо будет ходить расписываться в приходе-уходе и стало так мучительно и тошно. Не пойду. Но жаль, придется тогда вообще не ходить в музей. Я долго думал вечером о музее. И как же мне быть теперь с работой реставратора. Теперь я понадобился, а они трижды меня оскорбили. Когда я просил на лето полную ставку, когда не оплатили июль, и когда отменили творческий день. Ш. дает обратный ход. Первый вариант – работать. Плюсы: 1: деньги 2: возможности закупки работ у меня. Второй вариант – не работать. В этом случае я теряю зарплату, закупки, приобретаю стесненные денежные условия и теряю время для творческой работы. Я избираю второй путь. Мне противна мысль возвращения в эту бабью атмосферу - я избегаю мук неприятных свар в торговле за время и оплату.

20 августа (четверг) В конце концов, если не выйдет с живописью, можно будет заняться халтурой и просто делать деньги и все. Ведь деньги нужны, и долг надо отдать Квону и семью кормить. Надо сделать так, как диктует сердце. А сердце говорит – работай

[Введите текст]

творчески. В музее у меня нет друзей, Савицкий умер. Бабы загрызли и еще этот затхлый чуланный дух в музее. Проживем, на хлеб хватит. А там видно будет, лишь бы заниматься своим любимым делом.

21 августа (пятница). Поехал в училище, зашел к Бабаназаровой, у Вали спросил, оплатят ли мне работу за июль. Ш. сидела там же за столом, сказала, что ей неудобно это говорить, но я не работал, я попытался что-то объяснить, но меня не стали слушать. Зашел к Айгуль, она сказала, что мои сто рублей принимаются в кассу, те, что я отдал Вале перед их отъездом в Алма-Ату на памятник И. В. С. Поднимался наверх в экспозицию и смотрел картины Кашиной.

Пришел в музей. Расписался в журнале прихода и ухода, кажется, в последний раз и зашел к Вале. Там сидели девушки, директор. Валя и Гуля (Мариника) стали меня уговаривать перевестись опять на основную работу в музей, будет, мол, повышение зарплаты до 165 рублей в месяц. Я сказал подумать надо, что означало отклонил предложение, и что боюсь ссор с Ш. Пошли упреки в том, почему я оскорбил ее, сказав, что лучше бы она выполнила свое женское предназначение, а не лезла в искусство и т.д. Я ответил, что она меня просто вывела из себя упреками, поучениями и нотациями. Мне сказали, что я должен уважать года, женщину. А потом случилось вот что. Я стал показывать журнал с росписями за первую половину июля, а Ш. сказала, что все эти подписи я поставил вчера задним числом. Я спросил С. – «Правда ли это?» Она «прикинулась» незнающей. Я сказал, тогда Ш., что она озверела.

Написал заявление об увольнении по собственному желанию в связи с переходом на другую работу. Подал с извинениями Бабаназаровой, она сидела с Т. и Ш. в комнатке на втором этаже. Когда уходил - Бабаназарова вышла в коридор, позвала меня, села на диван в прихожей и спросила – «В чем дело?». Я начал было ей говорить, что нервы у меня на пределе и, почувствовав, что Гуля относится ко мне сочувственно, скривился, как ребенок, перед плачем и чуть не зарыдав, выскочил.

Тревожно в душе после ухода из музея, это все-таки брешь в семейном бюджете, но, несмотря на все отрицательное, что несет с это собой, чувствую облегчение душевное - надо было давно так сделать. Два года назад Буслов мне говорил, что если я еще 5 лет просижу в музее, я все потеряю как художник.

Ш. устроила мне концлагерный режим, слежку, психическое давление, граничащее с издевательствами и унижением. Она злобствует оттого, что дружу близко с Квоном, ее злейшим врагом. Ну, одним словом, обстановка сделалась невыносимой, деньги, который я получаю в музее, обходятся мне гораздо дороже денег. Еще Атабаев, покойник, пробыв в музее всего полчаса, с отвращением рассказывал мне о том, как изменилась атмосфера в музее в худшую сторону, мягко говоря, а точнее, в змеиное гнездо.

Савицкий умер три года назад и меня ничто теперь не связывает с музеем, за исключением картин в экспозиции. А их я всегда могу увидеть спокойно, приходя в музей бесплатно как член молодежного объединения при Союзе Художников.

22 августа 1988 г. (понедельник). Отправил семье в трех посылках рис, гречку и детскую одежду. Завтра отправлю сахар, одежду Люде. Вечером отвезу все Ольге, чтобы зашила мешок. Устал. Клонит ко сну.

Послезавтра еду в туристическую поездку в Самарканд на 3 дня от университета, предложил Арслан.

23 августа (воскресенье). Читал об искусстве 20-х годов и журнал «Советский музей» со статьей Савицкого о музее, очень похожей на его художественное и музейное завещание.

[Введите текст]

Утром позвонила Гуля (Мариника). Я еле очухался ото сна. Упрашивала вернуться в музей, намекала, что мне обратной дороги не будет, дает неделю на раздумье, я должен серьезно подумать. Я говорил довольно резко.

Вечером заехал в музей второй раз, но Гуля была занята каким-то типом и Валею. Кстати была там и Ш. Я объяснил спокойно, что личные счета не должны влиять на работу и что я уже отошел в душе от реставрации и что хотел бы заняться творчеством, возможно историей искусств, исследовательской работой и не терять связи с музеем. Ну, в общем, пока порешили на том, что они поговорят с Равилей, новенькой сотрудницей, бывшей мой студенткой, я ее обучу реставрации. Кроме того будут вызывать сюда реставраторов, чтобы учить своих или организуют им стажировку.

В Самарканд не поеду. Сегодня отдохну и завтра начну писать живопись и ждать известий от Люды из Ташкента. Надо понемногу писать воспоминания и работать в живописи.

Вечер. Поднимался к маме, поел плов, принес касу плова к себе. Сегодня потратил последние 20 рублей. Надо прекратить покупать книги. Брать только самые лучшие, шедевры и классику. Ограничить для того, чтобы иметь возможность помогать Люде. Сейчас в Ташкенте будут большие траты денег. Надо перебрать всю гречку и рис.

Смотрел фильм о Тарковском, Худенко и других. Поразило лицо Пастернака на похоронах В. Маяковского. Какой великий поэт и переводчик. Сопоставимо с Гнедичем, Жуковским.

Перебирал гречку. Завтра другой мешок гречки - завелись черви. Устал, хочу спать.

24 августа 1988 г. (среда). Договорился с Шолпан позировать в субботу, потом она отменила на понедельник.

Ходил с Ларисой и Маратом на «Кинг Конга» в кино. Договорились с Венерой и Ларисой позировать.

Переберу гречку от червей. Потом начну работать. Завтра приглашу на обед позировать Венеру, кореянку из Музея.

27 августа 1988 г. (суббота). После бурной деятельности всегда бывают дни полной прострации и упадка сил. Скорей бы, что ли, на работу, среди людей забыться.

Пытался пригласить домой Ларису позировать, она отказалась, так как, говорит неудобно, что подумают соседи. Задумал натюрморты, портреты, пейзажи, интерьеры. Но пока Дух слаб, я опустошен грустью, одиночеством и измучен своими странными фантазиями.

Огромное впечатление на меня произвело «Искушение Святого Антония» Флобера. Похоже на «Апокалипсис» Иоанна Богослова.

Время идет и спокойствие нисходит на Душу.

28 августа 1988 г. (воскресенье). Художнику и человеку нужно мужество, вера, надежда, терпение. Никогда не отчаиваться.

Мама в последнее время много вяжет, нет денег. У меня слабость физическая.

Надо прийти в состояние душевного покоя, уверенности. Фантазии уходят, но подспудно остаются на дне сознания.

Все в жизни не так, задумываешься, жизнь, одна единственная, другой не будет никогда и надлежит любить жизнь и использовать всякую возможность жить и чувствовать.

Ездил в училище по совету Ольги и написал заявление о выходе на работу, заехал к Квону, он зашивал старые рваные штаны.

[Введите текст]

Пошел к маме, поел плов, смотрел телевизор, слушал воспоминания отца, пил чай. Был Арслан, говорили о Глазунове, Попкове, Пушкине.

Наваждения кончились, страхи и фантазии ушли, БОГ миловал. Теперь буду читать, писать, работать физически и творчески.

30 августа 1988 г. (вторник). Ели плов с Арсланом и папой. Говорили о том, что живем в худшее время безвременья в огромной тюрьме.

Говорили с Арсланом о Людиных делах. Мама беспокоится о Люде. Арслан обещал рассказать про юридические правила вступления в наследство. Завтра зайду к нему и в школу к Азиме, к ее бывшей учительнице Юлии Марковне.

На дворе пишат и хохочут девочки, вступающие в период полового созревания.

1 сентября 1988 г. (четверг). Вечер. В Музее загорелся от сварки электроцит. Была паника. Рисовал Свету Сонину, ходил к ней домой фотографировал и учил фотографировать Максима. Решили в субботу с ним печатать снимки утром.

Договорились вроде с Ларисой позировать дома или в мастерской. Нужно заводить круг друзей и быть с людьми. Одиночество бесплодно.

Был у Квона очень хорошо посидели, смеялись.

Придет ли завтра Лариса и буду ли я ее рисовать?

4 сентября 1988 г. (воскресенье). Арслан 6-го едет в Москву учиться в МГУ. В 38 лет! Отец помог с рекомендацией филиала и дал ему 10 дней из своей месячной командировки в Москву. Поддержал и С. Камалов. Арслан сделал заявление по поводу несогласия с экстремистскими предложениями в решении проблемы Арала, которые были в парткоме университета, где некоторые горячие головы предлагали перекрыть Каракумский канал и осушить искусственные моря в Туркмении.

5 сентября 1988 г. (понедельник). Час дня, ездил в училище, получил 45 рублей. В музее отдал фотографии и попросил найти рисунки Квона, вернул в кассу Айгуль долг 20 рублей. Арслану отдал пластинки Розенбаума, взял у него блюдо Назиры, предлагал ему долг 25 рублей за Ольгу, он отказался. Читает с карандашом газеты. Поговорили, что если здесь в науке не получится, надо ехать в Ташкент и там работать.

Сегодня начинаю писать живопись и переписывать индуистские тексты для себя. Завтра на занятия в училище.

Возил в коляске тыкву, два арбуза и две дыни. Милиционер позвал быть понятым на 4 этаж. Там в бывшей квартире Феликса некий плотник изнасиловал девушку. Я поставил подпись. На железной кровати простыня в засохшей бурой крови и обесчещенная девушка стоит рядом.

Отвез к Арслану 2 картины, свой натюрморт и пейзаж Мусика. Арслан едет в Москву с сомнением, так у него объявился конкурент из Каракалпакии, студент философского факультета МГУ. Я же преисполнен оптимизма. Арслан поступит туда учиться на социолога. Поел у него вкусную дыню. Приехал домой, искупался, выстирал свою военную рубаху. Мама звала всех есть плов. Пока она жива, все мы ее дети и братья.

6 сентября 1988 г. (вторник). Мои работы на молодежной выставке смотрелись особняком как традиционный реализм на фоне вакханалии стилей. Был небольшой скандал, когда Ольга настояла о присуждении диплома мне. Фрунзенские искусствоведки (Лола), пригрозили снять кандидатуры своих художников.

[Введите текст]

Тяжело здесь в одиночестве слушать голос детей и Люды в магнитофонной записи. Грустно. Сумерки. В сущности, я должен понять, что это последняя моя зима здесь. И надо отчаянно работать творчески, как каторжник.

Вечер. Мама сказала, что ей кажется, что это государство – СССР - не устоит. Говорил с мамой о возможности резкого поворота в нашей с Арсланом жизни. Обком не хочет давать Арслану рекомендацию в МГУ.

7 сентября 1988 г. (среда). Только что приехал от Ольги, говорили об Арслане, будущем о т.д. На базаре взял ей 2 кг винограда. Мяса нет. Ольга говорила о том, как Г. А., не стеснясь, выбивала себе звание лауреата выставки. В молодом поколении художников растут хищники.

Мама вспоминала квартиранток - Аню, Настю, Валю, нашу жизнь в детстве на ул. Маяковского.

8 сентября 1988 г. (четверг). Мама разбудила звонком без пятнадцати восемь. Начал проклеивать холсты. Снилось Валя Корнилова, Кокоткин.

Утром совсем другое мироощущение, чем вечером, днем и утром. БОльшая напряженность. Вечером покой и усталость. Пора начинать вспоминать, в том числе, Савицкого. Хороший был старик. Чудесный.

Жара, тело липкое. Какая-то безысходность, это кризис, мне кажется, нет света, радости в жизни. Особенно без семьи. Это тяжело. Без них из дома ушла Душа и он мертв. Его надлежит наполнить живописью.

9 сентября 1988 г. (пятница). Гуля Ембергенова сказала, что весь наш отдел отправляют на сбор хлопка.

Сегодня надо зайти в Музей, узнать, есть ли там работы Зальцмана и заняться живописью.

12 сентября 1988 г. (понедельник). Сегодня надо взять результат флюорографии.

Тупик, из которого нет выхода. Как жить дальше, не знаю. Живопись идет со скрипом. Видимо, надо обратиться к полной аскезе.

Наконец в полных сумерках расписался, продолжил натюрморт.

13 сентября 1988, (вторник). Читал письма Флобера. Нахожу у него много пророчеств. Вся его неповторимая личность в нетленных письмах. В прозе он стремится к объективности и в божественной отстраненности отразил мир. И видимо, от одиночества он весь в письмах. Они напоминают письма другого одинокого творца – Ван Гога. Я упиваюсь ими, не могу оторваться, говорю себе еще только одно письмо и прочитываю еще несколько.

Начало работы над живописью, напоминает мне взлет журавля над озером. Трудность с разбегом, тяжелые взмахи крыльев, а потом усилие, и наконец, свободный полет. Трудно разбежаться.

Вечер. Продолжил натюрморт при электричестве. Работать, пользуясь советом Хемингуэя, оставляя часть работы на завтра, чтобы было завтра с чего начинать и ставить себе небольшие задачи, решая их последовательно, продвигаясь вперед. Не торопясь, но методично разрабатываюсь.

14 сентября 1988 г. (среда). Повел двух студентов, записал в музейную библиотеку, взял читать кучу журналов. Пил чай у мамы, ел салат с майонезом и лепешкой. Вспоминала она свою болезнь, туберкулез и как отправила нас от своей болезни на учебу в ташкентский детдом - интернат.

[Введите текст]

Вечер. Приходил домком делать инвентаризацию. Нахальный, мерзкий тип. Ворвался в дом нахально, не дав мне опомниться. Я отправлял много посылок, и может быть мной заинтересовались. Вполне возможно, все мы под колпаком. Наплевать. Я только начинаю раскачиваться и нужно, не теряя спокойствия, продолжать писать.

17 сентября 1988 г. (суббота). Как воняет от помойки под окнами. Опять тоска. Злоба от одиночества. А выходить никуда не хочется.

Зашел к Арслану, он привез Библию за 150 рублей из Москвы. Великая радость. У меня есть священное писание. Теперь нужно найти православную Библию за 250 рублей. Арслан обещал взять православную Библию, более художественную и поэтическую. До чего нас довели, что даже такая простая вещь, как хлеб, достояние всего человечества, достаются с таким трудом.

18 сентября 1988 (воскресенье). Радуюсь Библии. Нужно взять еще экземпляр и подарить Арслану. Могу я сделать раз такой царский подарок. Хотя денег нет.

Писать начал пастозно и что-то получается. Но идет живопись с большим трудом. Вечером заходил Арслан, я показал ему ценные книги. Говорили о ключевых книгах, мире, поисках истины, искусстве.

20 сентября 1988 (понедельник). Встал в восемь утра. Включил TV. Думаю, не сделал ли я вчера ошибку, не доведя натюрморт до конца. Ведь живопись требует, чтобы идти до конца. Но с другой стороны, не надо насиловать себя. Все должно быть естественно и с любовью. Тогда возникнет настоящее. И настоящее произведение искусства и настоящая жизнь. Я надеюсь.

Целый день провел в музее. С Венерой говорил о Савицком. Вспоминали. Взял книги из библиотеки. Говорил с Сашей о философии, это интересно.

Что мне так тоскливо, что то так гнетет. Так мне грустно, что и жизнь не мила. Кажется, у меня никогда не было такой тоски. Душа изнывает. Ничего не хочется делать. Боже мой, как плохо!

21 сентября 1988 (среда). Заварил себе успокоительный сбор. Слушал высокий, волнующий голос Паниной, музыку из «Иронии судьбы». Грустно и покойно. Что-то я плачу, кажется что любовь и счастье где-то очень далеко.

23 сентября 1988 (четверг). Отвел в музей студента 2-го курса Куата, попросил директора музея записать его в музейную библиотеку. Глаза Светы сияют. Шутил с Ольгой и Гулей в учительской. Готовлюсь в Ташкент. Половину туалетной бумаги украли из маленького гаража. Мама хочет занять у кого-то 50 рублей на билет мне в Ташкент.

Может быть Арслан достанет водки, такая безысходная тоска. Иду к Ольге. Он достал «Чашму» за 5 рублей. Как раз пришли Рашид с Назирой, передать мне бусы и посылку для сестры, в Ташкент. Вспоминали Карпунина, Грецова, Мелкумова. Взял у Арслана почитать книги Т. Манна, Фолкнера, китайскую и еврейскую поэзию, Маркеса. Давно не пил «Чашму». Неплохо - как виноградный сок.

Вечер был прекрасный, с красивыми девушками, проказой-ветераном, теплой зеленью и розовыми облаками на голубом небе. Я чувствую себя хорошо и спокойно.

26 сентября 1988 (понедельник). Был 3 дня в Ташкенте. Побыл с Людой и детьми, сделал все свои дела, привез керамику Назиры, графику Ольги и Рашида, мед, масло Ольге и маме. Купили мешок лука и картошки с Людой. Надо хоть раз в месяц ездить туда.

В музее познакомился с Таней, из Третьяковки, она занимается творчеством М.К. Соколова.

[Введите текст]

27 сентября 1988 (вторник). Звонили из С/Х и сказали, что до 1 октября выставка «Наш современник» в Москве и 30-го пресс- конференция в обкоме, надо нести туда работы по Аралу.

С десяти вечера до трех ночи напечатал 200 фотографий. Три пленки. Назавтра осталось две пленки. Устал, ложусь спать.

Выносил мусор. Ночь. Темные громады домов и луна в зените. Мрачно и пустынно.

29 сентября 1988 (четверг). Оказывается, социолог из Ташкента спрашивал у С. Камалова, кто бы смог возглавить опорный социологический пункт в Нукусе. Камалов рекомендовал Арслана.

29 сентября (четверг). Слушал Бичурина «Весна», запорол кассету «Суперстар». Что за отвратительная в Союзе техника. Все сгнило, и нигде нет порядка. Кругом обман, лицемерие, грязь, склоки. Отвратительный мир и только природа и вещи чисты и не врут.

30 сентября (пятница). Тороплюсь в выставочный зал, отнести керамику Назире.

Обед. Утром отнес и расставил керамику Назире в выставочный зал. Восхищались пейзажами Фалька с Жеткиргеном Айтымбетовым. Секретарь обкома Аралбаев производит впечатление образованного человека. У министерши народного образования хорошая фигура и приятная на вид попочка. Саша читал утром в выставочном зале маноры, перебирая четки. Человек, добровольно сошедший с ума в кришнаизм.

1 октября. «Весь мир един и все переживают одно и то же, мучаются и радуются» - учитель мой Кокоткин Александр Сергеевич. Поддерживает, говоря, что в Узбекистане три настоящих художника он, Гриша Капцан и я. Это ободряет и вселяет уверенность. Дай Бог, чтобы минул этот тяжелый 1988 год без последствий. Это переломный год для наших семей. Смерть Тани и тещи моей, поступление Арслана в МГУ и подача моих документов в С/Х СССР. Посмотрим, будет ли все нормально. Арслан не звонит. Полил сегодня водой два цветка алоэ. Растут понемногу. Слушал музыку в наушниках, это как вознесение к духовным небесам. Арслан, когда-то научил меня слушать в музыке одновременно все мелодии всех инструментов. Так воспринимаешь музыку цельно и во всей взаимосвязи и противоречиях тонов, звуков и мелодий.

2 октября. Позвонила Ольга, сказала, что купила Люде пальто за 125 рублей. (60) отдать Назире. Остальные она подождет, так как знает, что у меня нет сейчас денег.

На удивление, я стал писать стихи.

3 октября (понедельник). Днем убирался в квартире и читал Зоценко. Слезы сквозь смех и глубокая жалость к маленькому человеку.

4 октября (вторник). Ходил в училище, на обратном пути зашел в музей. Ольга просила узнать, кто проведет в выставочном зале экскурсию. Мариника просила показать работы московским искусствоведом из экспертной комиссии, я постеснялся своей одежды и отказался. Рисую, слушаю музыку, убираюсь дома. После обеда проведу Ольгу по выставке. Помыл полы. Передвинул шкаф. Вот и все.

7 октября. Днем заснул. Снились дети, Ташкент, Люда. Разбудила мама, звала с улицы. Взял на 40 рублей 3 мешка лука, тыкву и капусту на зиму. Отвез в гараж. Вечером мама приготовила пельмени. И заснула за столом, не поев.

Снилось утром, что Люда за занавеской и чем-то на меня обижена.

9 октября (воскресенье). Вечером ходил к Ольге, ел с Арсланом борщ. Затем ходил к Квону, его двоюродная сестра сошла с ума, бродила с 9 летним сыном по вокзалам и

[Введите текст]

говорила, что скоро умрет. К маме приходил некто в штатском и страшно перепугал ее, сказав, что сестра (?) Арслана посажена под арест за спекуляцию на базаре.

13 октября (четверг). Я увлекся рисунками шариковой ручкой. Можно постепенно усиливать тон и варьировать разнообразно.

Утром забрал 6 оформленных натюрмортов у Карима, плотника. В обед ходили в музей с Ольгой, Гулей, студентами, Диной. Альвина читала лекцию о музее. Вечером зашел в музей. Говорили о политике с Ирой и Альвиной. Ели мороженное.

Сделал 13 рисунков шариковой ручкой. Устал. Около часу.

14 октября (пятница). Ольга сказала, чтобы я использовал эту редкую и прекрасную возможность быть одному для творческой работы. Вспомнил Машу Ясногородскую, мою первую любовь в Ташкенте. Мне было 12 лет, ей 10. Она училась в 4 классе, я был в 6. Она уехала вскоре в Ленинград и я ее забыл надолго. И теперь вот вспоминаю. Я любил ее и она любила меня. И это было так чисто, свято и по-детски. Мы даже ни разу не поцеловались. Как я плакал в туалете, когда она сказала мне, что будем только дружить, а я думал о любви.

15 октября (суббота). Слушаю Ирину Чмыхову, цыганские песни. На кухне смотрел альбом Туржанского. Это шедевры. Драгоценные по цвету. Напоминают цвет Рембранта, Ван-Гога и Утрилло. Есть чудесные вещи, настоящие жемчужины. И странное дело, в этих скромных пейзажах целая эпоха. И забавно, что безо всяких событий. Это вечное искусство.

Рисовал немного шариковой ручкой абстрактную композицию на глянцевой бумаге. Странное дело, в высказываниях отца, я усматриваю, что он поддерживает морально рвачей, спекулянтов, людей, подобно художнику И., рвущихся и добивающихся власти. Видимо он ощутил свою неудачность и понял, что все его разговоры со мной в детстве о чести и справедливости коммунистов – это ошибка и жизнь совсем нечто другое. Люди, как и прежде, стремятся только к богатству, власти. Это крушения идеалов, ради чего он прожил всю жизнь в нищете, оторвался от своего рода, веры, проповедовал атеизм. Досадно, что он обманул и меня, и себя.

17 октября (понедельник). Вспомнил Валеру Унама, который потерял тысячи рублей и покончил жизнь самоубийством. Что же ты Валера сделал!? Я помню, как в те далекие годы Байназаров прибежал и позвал нас на помощь. Они делали зарядку и с Валерой случился приступ эпилепсии. Он был полный сирота. Как жаль Валеру.

Тут что-то было еще, наверное, кроме денег. Может быть сыграла роль эпилепсия. Он женился на старшей дочери художника М, ученика А.Н. Волкова.

В искусстве личность - всё. Драгоценно своеобразие личности, а блеск ремесла это вторичное.

20 октября (четверг). Небо пасмурное, начинается насморк, настроение смятенное. В училище проверяла обществоведка, почему меня не было в пятницу на политинформации. Гуля подарила чернильную авторучку. Вообще, много в эти дни я лихорадочно рисую. Часто приходят мысли о смерти. Надо успеть, что-то создать. Устал, сегодня много рисовал; автопортреты, наброски. Усталое лицо в зеркале и бледное.

22 октября. Влюбленность, стремление – странное чувство. Равнодушие женщины сродни, по-моему, равнодушию природы. Ей надо доказать свое творческое право на ее доверие.

Вечер. 10. Один. Так вот что имела в виду Ольга, когда сказал, что это я от одиночества читал в детстве научные труды. Например, всего Ленина.

[Введите текст]

23 октября (воскресенье). Второй день читаю статьи Томаса Манна. Глубокий, великий, ровный ум. Доставляет удовольствие общаться с ним. В сущности, я этим постоянно занимаюсь, то беседую с Флобером в его письмах, то читая Манна и т.д.

Вечер. 6:41. Настроение хреновое, злость, отчаяние, отвращение к природе, жизни, миру, себе, ко всему. Тошнит меня от этой презренной жизни. Со страшной силой стал вдруг избивать подушку. Я не нужен в этом мире никому и обречен на страшное одиночество и в конце безумию и смерти. Ты никому не нужен и тебе не должен быть нужен никто. От невозможности обладания любимой женщиной возникает комплекс неполноценности. Кажется, что другие люди все нормальные, счастливы и только я один несчастен, лишен какого-то блаженства, счастья и радости. От этого возникает грусть и ничему не рад. Еще этот кашель, слабость, болезнь.

24 октября (понедельник). Ел суп с перцем у мамы, пил чай, принес в кефирной бутылке траву для полоскания горла. Слушаю Утесова песни.

3:40. Опять работаю над абстрактной графикой шариковой ручкой на мелованной бумаге. Космические спиралевидные образования.

Я думаю о женщине, что она, в сущности, ищет кому отдаться, но не в противоестественном - предлагать себя кому-либо. Этому препятствует ее робость и стыд (я не имею в виду блудей). Потому женщина всегда обращена к эротике, половым отношениям и играм. В сущности, макияж, одежда, наряды, походка, взгляды, все движения в присутствии мужчины - все связано с желанием понравиться и сигналы - возможность овладеть ею. Это глубинные психические процессы, обусловленные древнейшими инстинктами, заложенными в женщину, самой природой. Все это так таинственно.

29 октября (суббота). 10:45. Вспомнил как я, болея на квартире, на Бешагаче, в студенческие годы, влюбленный в И. Большую, лаборантку в институте, попросил ее через Петруччо Кравцова, навестить меня. Она пришла вечером, мы пили кубинский ром, она зашила мне рубашку, цвета хаки, порванную подмышкой. Потом я провожал ее на троллейбусе. Помню ее милое лицо, улыбку. Потом у ее дома я поцеловал ее, она закрыла глаза и стояла так несколько мгновений, губы у нее были теплые и мягкие. Я был влюблен в нее, тогда возлюбленную А. С. Кокоткина. Я напевал «Бабье лето» Джо Дассена, сидя у ее кровати на полу, пьяный. Я был влюблен в Иру. Потом она мне не простила того, что я изменил ей с И. Маленькой. Ее отношение ко мне изменилось, она стала холодна со мной.

Видел Ольгу, потом Абдуллу, он нервный, ревет об Арале и любви к нему, здоровый мужик, пьет и ему, как и мне, наверное, просто нужна баба.

2:35. Закончил 4 абстрактную композицию шариковой ручкой. Слушаю музыку, ноет желудок от голода. Начинаю последнюю композицию с верблюдом. Устал. Сегодня, много работал.

В 5 вечера. Дошел до пароксизма отчаяния и бешенства. Стал выть, стучать кулаками по бетонной стене покрытой цветочками тисненых обоев. Потом занялся уборкой и разборкой книг, незаметно отошел и успокоился.

30 октября (воскресенье). Отец сидит, уткнувшись в газеты. Я свои отнес ему, читать уже нечего, после окрика центральных властей на 19 парт. конференции газетчикам - функционерам – «Больше ответственности», что в переводе на обычный язык означает «заткнитесь». Ну и ладно, я и без того перестал тратить время на чтение газет, а то прочитывал, особенно 2 года назад, от корки почти до корки.

Не стоит сосредотачиваться на нагих воображаемых женщинах, если тебе нужна женщина – найди и возьми ее себе. Иначе возникает чувство, что это недостижимая цель. И тоска

[Введите текст]

оттого, что она недостижима. Надо решительно делать шаг навстречу жизни, женщинам. Ждать того, что они сами придут - не приходится, это не соответствует их природе. Мне трудно прямо предложить плотские отношения С. или Х.. Как будто я намереваюсь предлагать нечто грязное и недостойное, хотя это естественно, как и все природное и человеческое, надо только перебороть свою стеснительность.

31 октября (понедельник). 12:51. Думаю о рисунке и живописи, что они должны быть у меня энергичными, живыми, исполненными на одном дыхании и чувстве. Не копировать натуру, а воссоздавать свой мир, изучать пластику мира, говорить языком искусства с миром. Искусство – в сущности это диалог художника с природой.

1 ноября. Смотрел каталог Филонова. Он не произвел особого впечатления, довольно схематичный и умствующий, чрезмерно сложный художник, но оригинален, это делает ему честь.

2 ноября. Хорошо быть мужчиной, хорошо быть не жирным, легко ходить по земле, быть сильным, упругим, накачивать мышцы тела гантелями и заполнять душу стихами, голову чистыми мыслями и устремлениями. Все это хорошо. Хорошо и умереть после жизни, и спать вечно, в покое и тиши. И не быть тоже хорошо. Что еще. Да, я должен заплатить за Ольгу - за квартиру до января и отправлю Люде 60 рублей.

5 ноября (суббота). Вечер. 8:25. Только что принес от Арслана блоки пластинок Баха, Генделя, Верди. Он приехал сегодня, когда я сидел у Ольги и рисовал на кухне. Привез «Игру в бисер» Г. Гессе, издание 69 года, то которое я читал когда-то. Обменял на Нойберта «Введение в сексологию» и т.д. Видимо Арслан продает книги и на эти деньги едет в Москву. Дело плохо.

6 ноября (воскресенье). О стране - достойной своей печальной участи и о народе, который достоин своего правительства. Арслан сказал, не усложняй - Савицкий ясный пример для всех нас – просто надо хорошо делать свою любимую работу.

8 ноября (вторник). 1:05. Кушал и пил чай у мамы, говорили с отцом об эпидемиях самоубийств, среди молодых и взрослых в Каракалпакии. Молодые парни и девушки кончают с собой из-за того, что им не разрешают жениться на своих любимых. Заставляют выходить замуж за тех, кого выбрали родственники. Женщины сжигают себя, а парни вешаются. Взрослые кончают самоубийством из-за множества проблем, которые накопились в это подлое и роковое время, не могут найти виновных и свой гнев обращают на самих себя. Здесь и крушение надежд, иллюзий добра, чести, справедливости, крах идеалов жизни и т.д.

9 ноября (среда). Рисовал в училище. С утра был дождь. И поэтому я оставил в гараже книги «Рембрандта» и «Нидерландскую живопись», которые хотел забрать в училище, чтобы показать их студентам. День был пасмурный, грустный. Однако вечером, когда я уходил из музея, там был хороший закат из окна. Вообще мне кажется, я помешался на бабах. От голодухи уже схожу с ума.

Вечер. Был у матери, там собрались Нигара и Шолпан с мужьями и детьми справлять 59 лет отцу, я немного поел и ушел домой. Кстате Арслана не было. Ни водки, ни вина и не было никакого празднества. Это все сволочная политика «сухого закона», когда водку сделали недостижимой для людей и по цене, и физически.

Арслан занял 60 рублей у мамы на билет в Москву. 4 раза туда и обратно 150 рублей. Итого уже ушло 600 рублей у Арслана за октябрь поездок туда и обратно с Москвой. По-видимому, он распродает книги. Работал бы по-прежнему в ресторане, писал бы кандидатскую потихоньку, а то взметнулся в Москву, а деньги не позволяют.

[Введите текст]

10 ноября (четверг). Дал Гуле книгу о Нидерландском искусстве и Рембрандта Ольге. Она беспокоится за мой похудевший вид. В обед рисовал «музейных девочек», с ними же пил чай, потом обратно вернулся в училище.

11 ноября (пятница). Вчера смотрел картины Рембрандта и понял, что он весьма свободно обращался с натурой. Он знал ее досконально и знал, что нет смысла ее копировать рабски. А надо передавать ее живой дух. Создавал новую живописную реальность. Новый мир переживаний, общечеловеческих откровений, навеянных чтением и размышлениями над Вечной книгой - Библией.

Вечер. 9:50. В 4 часа пошел в музей. Там успокаивал скандал, который затеяла Турутина, из-за того, что Кондрикова показала мне графику М. К. Соколова.

Забрал в музей на закупку прекрасный автопортрет Ольги маслом, пастозный, в цвете очень тонкий. Обещал ей чистые холсты и краски.

12 ноября (суббота). Мама спросила, дал ли я книгу Арслану, ту, что он просил у меня (Клод Леви-Стросс). Я ответил, что отдал. Она заметила, что Арслан стал какой-то уязвимый и обидчивый. «Все вы такие обидчивые, вот, например, Витя тоже обидчивый. Не пишет, обиделся, что я написала, чтобы он разделил квартиру своей супруги».

13 ноября (воскресенье). Начался документальный фильм о левых художниках - авангардистах 60-70 гг. В основном об евреях и они предстали в ореоле безвинных мучеников и т.д. Я настроен довольно иронично. Они не производят впечатления мучеников. Вид довольно преуспевающий, а после Хрущева вышли на западный рынок. Ольга охала и ахала, Лиза морщилась, я записывал все фамилии и рисовал. Но работы прекрасные, раскованные, особенно Зверева. Вот и все. Пасмурно.

15 ноября (вторник). Ветер, прохладно, по дороге отключили фонари и стали видны звезды. Проводил Арслана до самолета почти. Говорили о том, что в 30 годы общество не было готово и не в состоянии воспринимать высокоинтеллектуальную прозу Булгакова, Гессе. Все было осложнено уничтожением культурного слоя людей и чудовищным оболваниванием других, и только сейчас, во втором и третьих поколениях интеллигентов возник тип людей, способный воспринимать интеллектуальную прозу.

16 ноября. Ольга сказала новость о том, что ей пришло приглашение в Сенеж, где за ноябрь она сама будет платить, а за декабрь за государственный счет. Ольга, конечно, встрепенулась и собралась ехать. Хотя вся загвоздка в 500 рублей, которые надо достать. Бедная, не знает где достать?

21 ноября 1988 года. Я вспомнил ту школьницу в Мурманске, у которой была чудесная фигура, и у которой я брал читать книгу Ирвина Шоу «Молодые львы». И которой подарил пачку своих рисунков и которой писал письма. Она неукоснительно требовала, чтобы в письмах были проставлены все запятые, и я внимательно проверял письмо, чтобы, не дай Бог, не пропустить запятую. Мы переписывались вплоть до того времени, как я сообщил ей, что я женился и тут же она прекратила писать. Это была чистая и прекрасная девушка и отношения у нас были чисто платонические. Писем ее я не сохранил. Вообще, сколько писем и своих работ я сжег из-за отсутствия мест для их хранения.

В Нукусе пасмурно. Все в городе серое. Только между домами висят ярко-желтые анилиновые женские панталоны.

Уж не загнал ли я сам себя в угол в музейном вопросе?

23 ноября 1988 года. Мама рассказала, как она лежала мною беременная в больнице, в то время, когда умер Сталин. Все больные, санитарки, врачи плакали. И когда отец пришел навестить ее, она бросилась к нему, плача и говоря – «Кого мы потеряли, Алимжан, ведь

[Введите текст]

умер Сталин». Он тихо сказал ей - «Будь он проклят! Постучал себе по лбу – «О ком ты плачешь? Я думал что-то с ребенком случилось»».

24 ноября 1988 года. Надо посмотреть графику Ольги дома. Утром говорил со Светой насчет плаката Ольги. Иду к Шолпан в музей, в училище и в выставочный зал.

Отобрал графику Ольги и всю отнес Эльмире в музей, посмотреть, годится ли что-нибудь для закупки.

Записал в библиотеку музея двух студентов. Сегодня целый день рассматривал книги по восточному искусству – росписи архитектуры, миниатюры и поражен их красотой, гармонией и совершенством. Для студентов 3-го и 4-го курсов провел импровизированную лекцию о японской гравюре, на примере работ Андо Хиросиге, напечатанных в календаре Внешторгиздата который я принес Гуле Ембергеновой. Я в восторге от этих вещей, это великое совершенство.

25 ноября 1988 года. Прочел письма Люды, которые привез из Ташкента отец. Отец, как ребенок. Не захотел везти туда ничего и не привез сюда масло, которое Люда купила. А привез целый чемодан книг, которых он не будет читать уже никогда.

Люда устроилась аккомпаниатором на 90 рублей в Ташкенте в пединститут. Надо послать им в Ташкент ложки, вилки и т.д. и туфли Люды. Скучно мне что-то.

Вечер, 17:50. Приехал из музея, где сидел и рисовал, читал Ахматову в комнате Светы Сониной. Она сказала, что у меня тоска в глазах. Она тонко чувствует человека. И добрая она.

Стало морозно и розовые легкие облака на закате. И такая тоска и одиночество. Я бегу от нее к людям и в музей.

Вечер, 18:45. Отец писал характеристику на академика С. Камалова в обком партии. Дал мне ее почитать.

Рассчитал - куда дену зарплату, остается рублей 40. Их надо положить на книжку, чтобы рассчитаться с долгами. Предстоящая моя зарплата уйдет по мелочам на возврат долгов, но это надо сделать.

Рассвет, птицы летают. Открыл для себя поэта Иосифа Бродского. У нас с ним любимые поэты – Ахматова, Цветаева, Мандельштам.

Интересная мысль Ерофеева в статье об Иосифе Бродском - «Свобода обретается ценой одиночества».

28 ноября 1988 года. 6:52. Хочется биться головой о бетонную стену. Ах, как нужна человеку баба, и как тошно жить одному.

10:00. Пришел от мамы с папой. Разбудил маму и вскоре пришел к себе в квартиру, стал слушать сонаты Генделя из тех пластинок, что дала мне Света Левченко. И тоска моя превращается в грусть.

16:15. День. Идет дождь. Очень темно и пасмурно целый день. Переписываю стихи Бродского из журналов – их надо будет вернуть. Слушаю старинную английскую музыку.

Утром заходили с Исламом и Рашидом к завучу, часы распределили. Мне остается только композиция – восемь часов в неделю.

Рашид «технично» намекнул – «Мотор, работающий вхолостую, перегревается и заклинивает».

Воспринимаю творения Баха, Пикассо, Рембрандта, Льва Толстого как творения самой Природы. Настолько они величественны и сверхличны. «Война и мир» представляется

[Введите текст]

таким же природным явлением как небо, как океан. То же с Рембрандтом и его картинами, с романом Маркеса «100 лет одиночества», со стихами Вальехо, Бродского, музыкой Баха, Моцарта, со стихами и прозой Пушкина. Впрочем, последнее больше похоже на сошествие божества на землю.

Вечер, 23:30. Вечер я провел у мамы, ели бешбармак «по-японски», как назвала его мама, с помидорно-луковой подливой. Денег на мясо нет.

30 ноября 1988 года. Из училища зашел в музей и хорошая новость – купили графику Ольги на 550 рублей, как сказала мне Света. А два пейзажа - Фарида и Света отобрали себе и просили узнать - подарит ли Ольга их им - джампыкские тонкие темперы. Сказал, что в 9-тиэтажке есть сборник Тушновой и они все, Альвина и Света Турутина пошли туда. Я отнес работы Ольги к ней домой и сложил их наверху шифоньера, туда же черный плакат «Перекати-поле».

Вечер был чудесен, как много красивых девушек шли мне навстречу в сумерках, не хватало только романтических шляпок и вуалей.

1 декабря 1988 года. 17:40. Слушаю оперу Моцарта, только что приехал из музея, где видел Валю, она сказала, что художники Буслов и Утегенов ходили в Министерство культуры и жаловались, что их работы музей не закупил.

Ольгу включили на январь месяц во вторую часть закупки, а меня в первую часть.

Очень скучаю по детям и Люде. Надо хоть написать им письмо и отправить с посылкой. Пойду к маме. Не могу быть в пустой квартире, из которой вместе с отъездом детей и Люды словно ушла жизнь и душа.

Вечер, 21:07. Ел вкусный «как мёд» суп-лапшу у мамы. Отец дремал, смотрел телевизор, мама в соседней комнате вязала кому-то зеленую кофту, а днем стирала чьи-то шерстяные платки. Работающая пчелка. Убрал со стола и помыл посуду. Она позвала меня и сказала, чтобы я съездил все-таки к Люде в декабре, через недельку и потом в январе чтобы съездил.

Слушаю оперу Моцарта. Завтра часть лучших работ, живопись и графику отнести в музей на закупку заранее.

Сказал маме, что надеюсь зарабатывать в Ташкенте 250-300 рублей и в будущем выйти на 2000 – 3000 рублей закупок в год. Это пока цель. Мама спустила на землю и сказала – «Лишь бы не голодал».

Это правильное решение – собрать все мои вещи в одну комнату. Часть – маме на хранение, часть - Арслану, Нигаре, Шолпан, в музей. И часть в мастерской хранить.

2 декабря 1988 года. Ледяные батареи в комнате. Дошел до высокой степени тоски по детям. Я забыл, как они выглядят.

Мне снился страшный сон, что мы, дети, открыли могилу отца в Солдатском, а он нетленен как мумия. Мама размотала бинты. Родной отец, тревожно спящий в могиле.

7.25 Слушаю «Римских виртуозов». Заглянул за занавески, там на заре в синеве горит утренняя звезда.

11.06 В училище было всего 2 ученика – Аланазаров Расул и Дарибаева. Дал им по 2 книги из библиотеки – Иванова дал Гульжан, а Расулу «Оформление празднеств».

6 декабря 1988 года. 19.00 Был в выставочном зале. Отнес туда свой натюрморт с ковриком. Там отбирали картины Изентаев, Шпаде, Матевосян и директор выставочного зала. Я успел. Изентаев отозвал меня и шепнул, что поздравляет меня, что, кажется, мои

[Введите текст]

работы прошли отборочную комиссию для членства в Союзе Художников. На обратном пути зашел в библиотеку.

Вечер, 21.05 Прочищали ванную. Мама с Мирой мотали клубки. Я устал и хочу спать. Рад, что скоро, недели через четыре приедут Арслан и Ольга – главы нашего рода.

23 декабря 1988 года. Был в училище. В Ресбиблиотеке уже не пускают в хранилища, в библиотеку музея тоже не пускают, ругают Зульфию за то, что я много взял книг. Сказали, чтобы не заходил с сумкой. Надо отнести обратно все книжки, что брал оттуда.

Побыл у Алексея, он дома. Поздравлял меня с членством в Союзе художников. Он сказал, что это честь, которую надо оправдать.

Снились Витя, старый город Ташкента.